

«Почему Анчаров?»»

Книга IV

**Материалы Анчаровских чтений,
статьи, отклики о творчестве
М. Л. Анчарова**

Василий Макаров

**«Почему Анчаров?».
Материалы Анчаровских
чтений, статьи, отклики о
творчестве М. Л. Анчарова**

«Издательские решения»

Макаров В. С.

«Почему Анчаров?». Материалы Анчаровских чтений, статьи,
отклики о творчестве М. Л. Анчарова / В. С. Макаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904296-5

Коллективный сборник статей «Почему Анчаров?» содержит отзывы, научные статьи, материалы Анчаровских чтений, эпизоды жизни и творчества Михаила Анчарова. Таким образом авторы сборника пытаются ответить на вопрос — почему Анчаров, на книгах и песнях которого выросло не одно поколение, до сих пор актуален для многих людей — в России и за рубежом.

ISBN 978-5-44-904296-5

© Макаров В. С.
© Издательские решения

Содержание

ПОЧЕМУ АНЧАРОВ?	7
Анчаровское наследие. «День за днём» 36 лет спустя	8
Александр Быстров: Про жанр телесериала «День за днём»	9
Анна Политова. Борьба за человека в телевизионной повести	11
М. Л. Анчарова «День за днём»	
«День за днём»: выступление Нины Георгиевны Поповой	16
Галина Щекина: Мой «День за днём» на экране и в жизни	20
Портрет современника в духе Анчарова	24
Мария Багирова. Китайский фонарик тревоги (Из цикла о Миноге)	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

«Почему Анчаров?»

Материалы Анчаровских чтений, статьи, отклики о творчестве М. Л. Анчарова

Сбор материалов Василий Сергеевич Макаров

Общая редакция Галина Александровна Щекина

Подготовка текстов Любовь Аверкиевна Молчанова

Консультант Виктор Шлемович Юровский

ISBN 978-5-4490-4296-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Михаил Леонидович Анчаров (1923—1990)

источник <http://ancharov.lib.ru/PICTURE/autoportret5.jpg>

Сборник статей: общая редакция и составление Галины Щекиной, ответственный за выпуск Василий Макаров. Консультанты: Виктор Юровский, Елена Стаферова, Олег Моисеев.

Как заказать Анчаровский сборник 8800501167

ПОЧЕМУ АНЧАРОВ?

Книга 4

Материалы Анчаровских чтений,
материалы из архива М. Анчарова.

Сборник статей: общая редакция и составление Галины Щекиной, ответственный за выпуск Василий Макаров. Консультант Виктор Юровский.

Предисловие

Дорогие читатели! Перед вами очередной сборник материалов «Почему Анчаров?», книга 4. Все больше вопросов возникает перед теми, что изучают творчество Михаила Анчарова, всё шире и разнообразнее ответы. Но ответы – не останавливают новых авторов.

Особенность данного выпуска в повышенном внимании к телеспектаклю «День за днём». Мы видим, что спектакль не стареет и спустя 36 лет после выхода. Вторая особенность – это множество подходов к наследию писателя: и как к сценаристу, и как к прозаику, и как к автору песен. Впервые сделана попытка постижения стиля и написаны экспериментальные работы в духе Анчарова. И это не просто подражание.

Важно и то, что в сборник вошли архивные материалы, записи, сделанные на встречах Анчарова со слушателями, – это шанс глубже понять личность Михаила Леонидовича. Спасибо за труд расшифровщикам записей. Спасибо архивистам. Впереди еще много открытий.

Галина Щекина

Анчаровское наследие. «День за днём» 36 лет спустя

Александр Быстров: Про жанр телесериала «День за днём»

Всё, что я скажу далее – субъективно; слушающие вправе принять или не принять сказанное.

Это не комедия, где «все смеются» и не трагедия, где «все плачут».

Это не драма – «все ругаются» – по определению моей знакомой девочки Танечки; и это определение голубоглазой блондинки оказывается глубже, чем традиционное театроведческое определение – «что не комедия и не трагедия». Хотя можно найти элементы и комедии, и трагедии, и драмы.

«Как выглядит хорошая жизнь, к которой мы стремимся» – жанр, интерес к которому декларировал Анчаров в своей прозе, признавая приоритет в этом жанре за Александром Грином. Не борьба за хорошую жизнь, а сама хорошая жизнь. Сюжет не заканчивается, когда Иванушка от поверженного Кощея возвращается с Еленой Прекрасной, – а начинается самое интересное.

Отрицательные персонажи присутствуют в «День за днём», но на периферии сюжета. Автор их легко отпускает за кадр, *в телевизионное небытие*. Как Чернышевский в «Что делать?» отпускает отрицательных персонажей *в литературное небытие*; они не нужны, не обязательны.

Про хорошую жизнь. Но это не утопия, которая Нигде и Никогда; сюжет привязан к датам премьерного для «День за днём» 1971 года, с совпадением последнего дня 31 декабря со звоном курантов и бокалов с шампанским – с точностью до нескольких часов; что не в полночь – это уже дела технические, телевизионные. Это скорее хроника, программа «Время», но – для бытия коммунальной квартиры. Место – с точностью до района, центральным прототипом которого является Благуша. «Поэт должен иметь происхождение. Знать, откуда он», – эпитафия из Гёте к «Этому синему апрелю» Михаила Леонидовича.

Рецензента раздражает, что коммунальная квартира в «День за днём» не Воронья слободка из Ильфа и Петрова или не «Красный треугольник» из Галича. Да, в свете поставленных перед собой задач Анчаров пишет/снимает о хорошей жизни. Не просто о том, что быть хорошим хорошо, а плохим быть плохо – а описывает, как это происходит.

Это сюжет про добро – как говорит персонаж Женя. Не добавляя при этом традиционного – и зло. И одного этого недобавления достаточно для литературного, телевизионного шока. Добро! – Без зла!?

Это не сказка. Персонажи выбраны реальные и вполне узнаваемые. Жития, но не святых, а обыкновенных, хороших людей.

Я бы назвал жанр, в котором снят «День за днём» – ПОБЕДИЯ.

В премьерном для «День за днём» 1971 году для меня, студента, было опять-таки шоком, что для совместного бытия в коммунальной квартире автором были собраны люди очень разные по полу и по возрасту. Те, которые, по скандально-бытовому мнению, просто обязаны поругаться:

- водитель на пенсии, который читает энциклопедию от А до Я;
- 40-летний художник с 20-летней женой – ткачихой;
- 30-летний рабочий, который учится на инженера;
- и 50-летняя коллега 20 – летней ткачихи.

Обязаны поругаться! А они себе живут раздражающе хорошо и интересно.

По моим тогдашним (1971 года) понятиям дружба – это между ровесниками одного пола и стриженными под один полубокс. Другой полубокс – другая дружба. Когда вижу сегодня свободно марширующих в сторону стадиона юношей в одноцветных шарфах, вспоминаю мои понятия 1971 года: или стриженные под один полубокс бабушки у подъезда; или дедушки, недовольные жизнью, ибо вышли на пенсию до приватизации и не успели; или 40-летние держатели жизни и т. д.

Ещё долго после «День за днём» считал я, что они, такие разнокалиберные, в сюжете дружно живут – это потому что артисты, из театральной жизни, где у однополых ровесников – конкуренция.

А потом подумал: даже если так, то почему хорошее из актёрской среды не перенять для жизни всем?

«Хороший человек – не профессия!» Да, хороший человек – это образ жизни. «Дарить, а не давить» – это его, Анчарова, образ жизни.

От этого и помер Михаил Леонидович – отдавал больше, чем мог; а когда понадобилось лично себе – не хватило, чтоб выжить. Такое мое частное мнение.

Июнь – октябрь 2013, март – апрель 2017

P.S. Выступая на Седьмых Анчаровских чтениях, актриса Нина Попова, исполнительница роли Жени Якушевой, сказала: «Я слышала такое мнение, что это снято из жизни артистов. Это правда. Для нас, актеров, эпизоды жизни и спектакля были одним действием, и Анчаров брал реальные сцены прямо из жизни».

Анна Политова. Борьба за человека в телевизионной повести М. Л. Анчарова «День за днём»

Телевизионной повести «День за днём», снятой по оригинальному сценарию писателя Михаила Анчарова, в наступившем году исполняется 45 лет – практически половина века. Но многие пересматривают её до сих пор. И речь идет не о круге почитателей и хранителей творчества Михаила Леонидовича, речь о неискушенных телезрителях, которые могут даже и не знать, кто был сценаристом этого удивительного телеспектакля. Откуда во мне такая уверенность? Всё просто – приступая к данной работе, я любопытства ради заглянула на несколько интернет-сайтов (к примеру, Кино-театр.ру <http://www.kino-teatr.ru>, Рускино.ру <http://ruskino.ru>), где стала свидетелем свежих и острых дискуссий телезрителей сериала «День за днём». Привожу некоторые цитаты:

«...Удивительная вещь по проникновенности, психологизму, заряду оптимизма и хорошего душевного отклика, образы там очень интересные, живые, и такие родные, что возникает чувство сопричастности и желания быть в кругу таких людей, иметь таких друзей и единомышленников...»;

«...Всё слишком идеологизировано, наивно по нашим временам и местами смешно, мы сейчас совсем другие...»;

«...Вспомнила молодость. Временами фильм очень актуален до сих пор, потому что любовь, доброта, порядочность, достоинство – категории вечные...»;

«...Сейчас такие отношения между людьми даже как фантастику или идеал никому и в голову бы не пришло показывать. Да, наверное, и смотреть – ведь наивно, ни экшена, ни правды жизни, как ее сейчас понимают...».

Отзывы круга хранителей творчества Анчарова также противоречивы (сайт ВКонтакте <https://vk.com>):

«...Когда мне плохо, дух подавлен, грызет тревога, включаю очередную серию „День за днём“ Анчарова – как будто лекарство глотаю. На пятой серии про Дзидру я начинаю неизменно плакать и всё в своей жизни вижу иначе. Наверно, люди могут подумать, что я старая бородатая старуха, тоскую по коммунистическому застою, может и так, это ж 1971 год. Но ведь абсолютно ясно, что здесь разгадка всего. Почему не занималась политикой, почему стала биться с союзом и зачем стала писать – да потому что мечтала вот о таком маленьком квартирном коммунизме...»;

«...Я в юности смотрела его с восторгом. Уже сейчас, читая материалы о Михаиле Леонидовиче, обнаружила, что эта работа считается творческой неудачей Анчарова. Но я отлично помню, как в начале семидесятых все прилипали к телевизорам, когда шел этот телеспектакль. И на другой день обсуждали очередную серию. Конечно, сейчас он воспринимается совсем не так, как тогда. Видно, что сюжет простоват, конфликты (если их можно назвать конфликтами) довольно плоские, зато там во все щели лезет АНЧАРОВ! Его мысли, суждения... Самое главное в нем!...»

Удивительный разброс мнений, не правда ли? Поражает, насколько по-разному ощущают мир люди. Здесь прослеживается не просто столкновение интересов кинолюбителей – проблема глубже – очевидно противостояние мировоззрений советского и постсоветского времени. Пролетевшие 45 лет несут в себе нечто особо важное – качественное изменение сознания людей. Но обо всем по порядку.

Телевизионная повесть «День за днём» была снята в 70-е годы прошлого века, явившиеся неким продолжением волны «хрущевской оттепели». Зародившиеся в её время «семена свободы» проклюнулись, тем самым дав глоток свежего воздуха для развития литературы, кино и других видов искусства. На этой же волне в 70-е годы началась активная просветительская

работа различных сообществ, моральной основой которой был не просто социалистический гуманизм, где главная ценность – человек труда, а гуманизм в самом широком значении этого слова – утверждение ценности человека как личности, его права на свободу, счастье, развитие, проявление своих способностей. Совпадение или нет, но телеспектакль «День за днём» очень удачно влился в поток этих общественных настроений. Люди с огромным интересом следили за героями сериала у экранов телевизоров, с большим нетерпением ожидая следующую серию. Что же так привлекало зрителя?

Примечательно, что сценарий телевизионной повести был написан профессиональным писателем, для всех работ которого характерен единый авторский стиль. Безусловно, творчество Анчарова разнообразно формами своего осуществления, но внутри как стержень, как основа, всегда была личность самого автора. Персонажи всех его произведений являются некими «проводниками», «трансляторами» мыслей, идей между писателем и читателем (в случае сериала – зрителем). Все главные герои телеспектакля «День за днём» – жители коммунальной квартиры – говорят с нами на языке Анчарова, несут основы его мировоззрения в массы, поступают согласно четкой системе взглядов автора. Иными словами – живут по его законам социума. Какую же идею так старается донести до общественности Михаил Анчаров через персонажей телеспектакля «День за днём»?

В телевизионной повести особенно заметными героями с точки зрения трансляции основной мысли автора мне показалась семья Якушевых, супруги Костя и Женя. Константин – это воплощение самого Анчарова. По своей сути Костя не только человек искусства – художник, но еще и великий мыслитель и талантливый оратор. Он несомненный авторитет в глазах его супруги Жени и всех обитателей коммунальной квартиры. Язык Константина очень афористичен (как и у автора сценария). Порой даже хочется за ним записывать. Костя рассуждает об искусстве, о взаимоотношениях людей, а особенно – о росте человека как личности и необходимости постоянной работы над собой. Цитата из 6-й серии, обращенная к его супруге Жене:

«...Ты выбираешь дорогу в жизни. Это случается с каждым рано или поздно. И ты считаешь, что живешь попусту. Потому что, если человек делает не всё, что он может, он живет попусту. Человек – не мотор, его нельзя выключить. Нельзя смазать тавотом – и в сарайчик. Если у человека есть силы и он не все их использует, он мычит, как недоенная корова. А ты не знаешь, куда девать свои силы... Что ты будешь делать сверх нормы – решай сама, но только, чтобы ты ни делала – делай для людей...»

Константин выступает в роли мудрого помощника, советчика для своей молодой жены, которая работает вместе с ним на ткацкой фабрике и еще определяется с направлением жизненного пути. Но нужно отметить, что и Женя, не смотря на свою юность, очень мудра по-женски, сильна своей искренностью, чуткостью и интуицией. Вот так про нее Косте говорит тетя Паша (Прасковья Ивановна Боброва), еще одна из ключевых героинь повести: «Ты не смотри, что она молодая, она у нас всей квартире голова... Её даже Большой – Витёк (один из жителей коммунальной квартиры Виктор Баныкин) слушает, слон африканский...»

Женя – идеал женщины не только для Кости, но и по представлениям Анчарова. Она – понимающая, верная спутница в жизни, единомышленница. Костя в их союзе – фронтовик, который по ее словам, «может, такого навиделся, что ему плохое вообразить легче, чем хорошее», а Женя умеет его поддержать, «открыть глаза, что хорошее тоже бывает». У нее получается влиять на судьбы людей, в каком-то смысле быть их проводником в жизни. Так она помогла Виктору Баныкину стать изобретателем, мужу Косте написать картину.

Взаимопомощь, поддержка и взаимовыручка стали основой отношений не только супругов Якушевых, но и всех жителей коммунальной квартиры. Таксист-пенсионер дядя Юра – как второй отец Виктору Баныкину. Помог после смерти его матери, устроил на работу в таксомоторный парк, где Большой получил необходимую практику и знания о машинах, что помогло ему в дальнейшем в изобретательстве. Дядя Юра переживает за Витьку, как за родного сына,

перед защитой им диплома инженера. Тетя Паша – как вторая мать для всех жителей коммунальной квартиры. Выхаживает дядю Юру с его больным сердцем, и о взаимоотношениях супругов Якушевых заботится, напоминая Косте о Жене: «Ты смотри, её люби, она – человек!... А вообще, самая хорошая жена – это ткачиха, и ты и не выпутывайся».

Кульминацией, выплеском этой мощной энергии любви и взаимоуважения жильцов коммунальной квартиры друг к другу становится восьмая серия телевизионной повести о дне распределения нового жилья. На ткацкой фабрике происходит настоящее сражение за интересы своих близких. Женька врывается на собрание руководства фабрики и кричит: «Я боюсь, что вы решите, а потом будет поздно – перерешать не захотите! Послушайте, неужели вы не понимаете, что Прасковья Ивановна за себя никогда просить не будет!... Вы не знаете, какие это люди – тетя Паша и дядя Юра! Они всю жизнь всё делали для других, для людей! Ну неужели трудно им навстречу пойти?! Дядя Юра знаете, какой человек? Он знает, как говорит? Самая лучшая работа на свете – бесплатная! Делайте со мной, что хотите! Можете с фабрики прогнать, а я от своего не отступлюсь! Не бывает так, чтобы таких людей не уважить! Неужели трудно им дать квартиру?!»

Прасковья Ивановна помогает получить Косте и Жене двухкомнатную квартиру. Сражение за интересы близких параллельно идет в самой коммунальной квартире, где Константин Якушев защищает интересы дяди Юры от нагрянувших спустя много лет отсутствия его дочери с мужем, которые прознали про расселение и распределение нового жилья и хотят урвать свой кусок. Бедный пенсионер категорически не хочет смириться, что ему придется жить с этой корыстной, хамоватой парочкой. К счастью, они так и уезжают ни с чем, ведь дяде Юре и тете Паше дали общую квартиру. Ловить здесь больше нечего. И дядя Юра с большим сожалением в голосе из-за всей этой ситуации говорит Косте: «Не родня они мне. Вы – родня».

Борьба во имя спасения личности человека, защиты его интересов ведется жителями коммунальной квартиры не только друг за друга, но и за их друзей. Ярким примером является личностный рост Толича, который благодаря воспитанию и опеке Баныкина из «паршивца» превращается сначала в сотрудника испытательной лаборатории, а затем отправляется поступать в военное училище. Большой своим примером воздействует на подопечного. Неспроста ему дано автором такое прозвище – характеристика как личности в его годы уже выдающейся не только трудовыми заслугами, но и образом мыслей, поступками.

Другой яркий пример – несчастная Леля. Из-за неудач в личной жизни (развелась с мужем) она стала жесткой, даже в чем-то грубой. Жители квартиры помогают ей поставить точку в отношениях с ее бывшим мужем, «полным подонком», как говорится в фильме. И, как результат, в последних сериях фильма Лелю не узнать – она расцвела и внешне и душой.

Хочется отметить, что в борьбе за интересы близких и друзей рост и развитие личности происходит и у главных героев повести: Женя становится мастером, Баныкин – изобретателем, снимается в кино и едет строить «Солнцеград» как один из ведущих специалистов, Костя пишет большую картину.

Но, к сожалению, любая борьба никогда не обходится без потерь. Так, например, из коммунальной квартиры жителями были изгнаны знакомый Кости – художник Борис, которому Якушев говорит: «Ну, в общем, мы с тобой сколько лет не виделись? Десять? Давай еще через десять лет встретимся...», – и уже упомянутый бывший муж Лели. Оба изгнанника представляют собой отрицательных персонажей, носителей взглядов, в корне противоположных мировоззрению Анчарова. Прогнать их – пока единственно возможное решение, ведь невозможно бороться за человека, который сам меняться не желает и относится к другим людям, как к вещам, пренебрегая их чувствами. Так, например, странно выглядит «проверка» Борисом медсестры Тани на человечность, которую он обманывает, вызывая срочно в больницу. Или бывший муж Лели, который добивается от нее комнаты. Изгнание здесь выступает как вынужденная мера наказания в перспективе перевоспитания личности.

Исходя из всех описанных выше событий и взаимоотношений, возвратимся к ранее заданному мной вопросу: «Какую же идею так старается донести до общественности Михаил Анчаров через персонажей телеспектакля «День за днём»? Мне кажется, ключевую мысль фильма на правах главного мыслителя телеповести озвучил Костя Якушев: «Не верьте лжецам, которые говорят, что любви нет, верности нет. Это говорят трусы. Сердечные раны? Ну что ж, мы не скупые. За всё надо платить. Трудности? А почему должно быть легко? Нормальный человек нуждается в нагрузках. Идет война за человека. А война – это не парад».

В телевизионной повести Анчарова показано, как люди могут и должны относиться друг к другу. С любовью и уважением, прежде всего, что, к сожалению, часто не соответствует реальности. Как они могут поддерживать и помогать друг другу, совершая достойные поступки. Пусть порой это сложно – настоящая борьба или даже «война за человека», как говорит Анчаров словами Кости Якушева, но это того стоит. Двигаясь по жизненному пути с любовью и уважением друг к другу, совершая достойные поступки, люди растут, развиваются духовно, проявляют свои способности, таланты, становятся настоящими личностями, чем ценны и благодаря чему чувствуют себя счастливыми. Не кажется ли вам, что мы сейчас пришли собственно к понятию гуманизма? Всё верно. Анчаров «транслировал» с экранов телевизоров через героев телеповести «День за днём» собственную гуманистическую идею, которую он реализовал в телесериале. Правда, это был не только социалистический гуманизм про ценность человека труда, а гуманизм в самом широком смысле этого слова. Да, пусть идея сама по себе слишком идеалистична, но людям того советского времени (70-е годы) – пришлось по душе, ведь она так удачно совпала с царившими общественными настроениями, о чем было написано ранее. Отсюда и волна бешеной популярности, и народная любовь. Анчаров попал прямо в сердце и запал в душу своим телезрителям.

Отчего же сейчас появляются негативные отзывы о фильме? Почему люди считают его наивным и даже фантастичным? Причина заключается в качественном изменении сознания людей в результате произошедших в стране внутренних политических и общественных преобразований.

После распада СССР в 1991 году Россия оказалась перед трудным выбором своего дальнейшего пути. Результат известен – переход от централизованной системы планирования и управления экономикой к рыночной системе, от социализма к построению капитализма. Логическим следствием данных коренных политических и экономических преобразований на социальном уровне стало постепенное возникновение так называемого общества потребления, представляющего собой совокупность общественных отношений, организованных на основе принципа индивидуального потребления. Для данного понятия характерно массовое желание использования материальных благ и формирование соответствующей системы ценностей и установок.

Иными словами, произошла некая перезагрузка сознания людей. Основной целью общества теперь становится потребление, все озабочены материальными вещами, а упорная работа, учеба, повышение квалификации представляют собой лишь некую побочную необходимость. В итоге происходит замещение идеалистических образов в сознании людей. Вместо «советских героев честного труда», для которых «самая лучшая работа на свете – бесплатная», – «идолы потребления» (поп-звезды, шоумены и т. п.), которые без материальной выгоды пальцем не пошевелят. Они же становятся претендентами на роль так называемых общественных «псевдо-просветителей», транслируя свои идеи с экранов телевизоров, через социальные сети, различные интернет-сайты. В итоге имеем сниженные потребности общества во всестороннем умственном, нравственном и духовном развитии, что ведет к упадку массовой культуры, деградации личности человека. И, как следствие, сегодняшняя культурная атмосфера просто не гармонирует с ценностями гуманизма по причине его «некоммерческого» характера (это

невыгодно!), чуждости всякой эксцентричности, высокому уровню нравственной и гражданской ответственности.

Быть гуманистом теперь немодно, несовременно. Гуманизм в нашей стране только провозглашен, но больше в теории, чем на практике. Представителям общества потребления не так важно «утверждение человека как личности, его права на свободу, счастье, развитие, проявление своих способностей», выгода в любом деле – прежде всего. В преобразовании системы ценностей как раз и заключается процесс качественного изменения сознания людей.

Поэтому многие современные телезрители, уже плывущие в потоке формирования общества потребления, рассуждают об отсутствии правды жизни в телеповести Анчарова «День за днём», о наивности её идей, о фантастичности взаимоотношений между жителями этой коммунальной квартиры. Но, тем не менее, присутствуют же и положительные мнения. Как это объяснить?

Дело в том, что любое общество неоднородно, оно включает в себя три составляющие: остатки прошлых эпох, доминирующие формы общественных отношений и ростки будущего. Возможно, авторы, тепло отзывающиеся о телеповести Анчарова – это представители первой категории, а, может быть, даже и третьей – люди будущего, которые уже на пути к преодолению кризиса ценностей. Да и «доминирующие формы общественных отношений» – сформировавшиеся потребители, что бы ни говорили и ни писали про «правду жизни», но в душе желают и любви, и уважения, и всего того, что лежит в основе здорового человеческого гуманизма. Любое общество в нем нуждается, в противном случае оно просто погибнет, самоуничтожится.

И именно поэтому гуманистические взгляды Михаила Анчарова, лежащие в основе всего его творчества, безусловно, так ценны, достойны развития и актуальны в наше время. А телевизионная повесть «День за днём» – один из таких ярких примеров работ этого талантливого писателя, удивительного по образу своего мышления.

«День за днём»: выступление Нины Георгиевны Поповой (Седьмые Анчаровские чтения, Центр авторской песни, Москва. 8 апреля 2017 г.)

Это совершенно удивительная история была. Михаил Леонидович писал все исходя из характеров артистов и некоторых своих друзей. Главный герой – Виктор Баныкин, это был его друг Вячик, Вячик Лысанов, его уже нет, к сожалению. Он испытывал автомобили в конторе, где учат вождению. Так как я была дома, то мой характер он с меня писал... «Таня» – Таня, «Кира Николаевна» – это Кира Николаевна, «Афанасий Иванович» – это Афанасий Иванович... Повторю: Михаил Леонидович писал со всех нас. А сюжет – мы же все: и он, и я, наши друзья – все выросли в коммунальных квартирах. Что осталось от коммунальных квартир?

У меня самые хорошие воспоминания остались. Мы жили на Рождественке, где сейчас Институт востоковедения. В этом доме до революции были меблированные комнаты, там была коммунальная квартира, действительно, «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная», она была на лестничной площадке. Наверное, наши родители ссорились, что-то на кухне выясняли, а всех детей – очень любили. Мы росли в совершенно дивной обстановке. Мой папа, он был очень большой руководитель, но, когда к нему приехал из Казани его друг и привез девять детей, жену, маму и папу, то всех расселили по всей коммунальной квартире. А когда я повзрослела и училась в школе-студии МХАТ, иду по улице, там овощами тётка торгует. Смотрю, это же Таня Богомазова – седая женщина, уже со следами лет, она мне говорит: «Ниночка, деточка моя, ты же у меня на руках росла!» Поэтому коммунальные квартиры, они, наверное, все были разные, да и жили плохо. Почти все так жили.

Кто первый предложил Михаилу Леонидовичу делать «День за днём», я не могу вспомнить. Стала у всех спрашивать. Шиловский говорит, что Кузаков такой был на телевидении, а моя подруга говорит, мол, где-то мы там отдыхали и какой-то человек с телевидения предложил, и Миша схватился, начал работать.

Пьесы его запрещали и нигде не разрешали. Когда я однажды пришла по поводу пьесы к одному начальнику, зам. начальника Управления культуры Москвы, он говорит:

– Что он пишет: «Отменённая конница пляшет вдали, опалённые кони в песню ушли...»? Это как понять?

Я говорю:

– Ну это значит, что была Красная конница, а потом Красную конницу отменили, и про нее стали слагать песни.

– А можно, – говорит, – Ниночка (это был приятель моего папы), а можно, Ниночка, понять и иначе!

Он иначе понял. Поэтому ситуация-то была сложная. Миша начал, написал первые три серии. Молодой режиссер, юный, Сева Шиловский. (Это я уговорила Мишу, чтобы его позвал.) Но кто ему даст снимать? Никто не даст снимать, поэтому попросили Виктора Яковлевича Станицына. И во МХАТе каждый день первые шесть серий мы репетировали, каждый день, мы собирались, и с нами сначала работал Шиловский, потом всё это показывали Станицыну. Мы репетировали. Поэтому съемки были у нас быстрые.

Все ведь очень были заняты. И в театре Пушкина, и во МХАТе, и в других театрах, все очень много работали. Времени было очень мало, и с трёх до шести в Останкино шли съёмки. Каждый день. Как-то один раз Валя Никулин сказал: «Я так устал. У меня сегодня репетиция была с утра, вечером спектакль, сейчас съёмка». А Невинный говорит: «У меня тоже сейчас была репетиция, и сейчас снимаемся, а вечером спектакль, и что?» Ну вот и что... Работали мы очень много.

Я считаю, что вторую часть – ну просто её не надо было уже делать, видимо. Я так полагаю, но его уговорили, потому что это телевидение вцепилось руками, ногами, телесериал шел с таким успехом. Приходило множество писем, но народ резко разделился...

Мне кажется, что это вообще получился такой «народный сериал», какая-то часть интеллигенции смотрела, но не принимала это напрочь. И я их тоже могу понять. Потому что были тогда и Тарковский, и Марлен Хуциев, и другие. Я не буду всех перечислять.

Но это было телевидение, мы ничего не могли, народ с ума сходил, по улице я ходить не могла вообще. Я потом перекрасилась. «Женя, Женя!» Я откликалась. Женя так Женя. Невинный – «Витка, Баныкин». Горобец – «Костя Якушев». А несколько лет назад я еду в метро по Филёвский линии, стоит дежурная по станции. Я нарядилась, был юбилей Школы-студии МХАТ. Мне дома говорят: «Ты так хорошо выглядишь»... А она стоит на станции и смотрит на меня: «Эх, Женька, Женька, что с тобой стало, а твой, – говорит, – Костя Якушев (Горобец, он тоже ездит по этой линии), на этого вообще без слез не взглянешь!» Приезжаю во МХАТ, и там говорят: «Как ты хорошо выглядишь!» Я говорю: «Неправда!» Глас народа – Божий глас... Вот три дня назад по двору иду, одна, увидев, восклицает: «Ну вообще, могла бы себя в порядок привести! Приведи себя в порядок, ты же вот какая молодая-то была!»

Мы любили друг друга, нам друг с другом было хорошо. Это очень редко бывает в таких огромных работах, ведь там были и Степанова, и Георгиевская, и Галисс, и Болдуман, и Афанасий Кочетков, я уже даже не помню, кого там не было, и все рвались, потому что это была совершенно необыкновенная атмосфера. Видимо, поэтому и получилось. Про хорошие отношения – это чувствовалось...

Если вы еще что-то хотите спросить, я расскажу. Для Миши это был адский труд! Это весь дом был в листках, он писал от руки, потом печатал, года продолжался этот какой-то безумный день... Но после каждой серии мы отмечали и веселились. Все.

Что-нибудь хотите ещё спросить?

(Женский голос): А вот насчет песен?

– А насчет песен... Миша две песни сочинил: «Ты припомни, Россия» и «Стою на полустаночке».

(Женский голос): Но Вы понимаете, там у каждого есть своя песня.

– А это песни все Анчаровские, только там Илья Катаев музыку писал.

(Женский голос): Это я знаю, вот Вам какая песня ближе?

– Мне какая песня ближе? Я вообще очень люблю его песни. И я, когда мы познакомились, уже знала его прозу и его песни. Поэтому, когда он на меня посмотрел, я совершенно потеряла вообще разум, вот, такое было. (Аплодисменты.)

(Мужской голос): Те мелодии, которые тех времен, это лучше, чем то, что у Миши?

– Нет.

(Мужской голос): По-моему, тоже. А почему?

– Потому что телевидение требовало, чтобы был профессиональный композитор. Оказалось, что композитор – тоже Мишин друг. Понимаете, тогда было совсем другое время, вы это сами прекрасно знаете. С авторской песней были большие проблемы, да?

(Женский голос): Да.

– Они выступили там тогда в Новосибирске, в других [городах] ... Проблем было очень много. И – «Нет категорически». Был нужен композитор.

А вот «Стою на полустаночке» – это я помню, как он писал. Я поняла, что ругать нельзя, надо сначала похвалить, а потом сказать, что мне кажется, что это всё, конечно, замечательно, правда, товарищ автор, это всё, конечно замечательно, но... Вот это было со «Стою на полустаночке».

«Стою на полустаночке» стала действительно народной песней, её блистательно пела Сазонова. Это она просила Мишу, чтобы он ей написал песню. Она удивительная вообще актриса была! По правде своей, по органике, она, и Грибов, и Слава Невинный, по-моему, никто с ними даже и близко сравниться не могли.

А «Ты припомни, Россия» он тоже написал для этого сериала и, мне кажется, что все песни блистательно спел Валя Никулин. Потом вышла пластинка, неделю они её обмывали. Первая пластинка Вали Никулина. На мой взгляд, он это делает замечательно.

(Мужской голос): Это был первый, по-моему, сериал...

– Это был вообще первый...

(Мужской голос): Первый телевизионный...

– Первый советский телесериал. Первый. Была «Сага о Форсайтах». Вы не видели «Сагу о Форсайтах»? Все смотрели «Сагу о Форсайтах». И они, видимо, решили, на телевидении сделать такую советскую сагу. Вот, с этого всё и пошло.

(Мужской голос): А у меня телевизора не было...

– Правильно. А у меня теперь нет. Я теперь дома телевизор не смотрю. И замечательно себя чувствую. Ну, я не знаю, люди смотрят какие-то безумные сериалы. Вы сами знаете, что теперь смотрят. Новости, ток-шоу... «Сага о Форсайтах». Это был потрясающий английский сериал...

(Женский голос): Вот, Вы мельком сказали: «Двери нараспашку, и народ всё ходил и ходил». Вот как Вы на это реагировали?

– Я нормально, я так привыкла. Я так выросла. Нас было трое, и папа был невероятно хлебосольный, гостеприимный, и у нас в доме всегда было очень много народа. И когда мы жили в одной комнате на Рождественке, то всегда дом был забит народом. Папа говорит: «Когда-нибудь надо вид сверху снять». А потом, когда уже переехали на Кутузовский в большую квартиру, то всё было также. И Миша был такой. Знаете, у Миши долго ведь очень сложно складывалась жизнь. Невероятно сложно складывалась. И поэтому он любил людей. Очень любил людей и очень любил, когда к нему приходили. Он сам был очень сложный человек... Всё было непросто, но людей он любил. И дома... И ему это нужно было.

(Мужской голос): А он что-нибудь рассказывал о своей службе с китайским языком?

– Знаете, да!

(Мужской голос): Язык какой у него был? Китайский?

– Китайский. Он закончил ВИИЯКА, воевал в Маньчжурии, и однажды в дом пришел человек. Приехал из Новосибирска – Миша Свида. Он из Харбина. И когда вот вся эта история в Харбине была, и их потом всех дружно... а Миша его спрятал. И спас ему жизнь. Все уехали в Казахстан, а он – в Новосибирск. И он ещё там в Новосибирске... Он инженер был хороший. И он придумал делать там фунчозу – это их китайская рисовая лапша.

(Мужской голос): А вот такая реплика: «Ипонцкому командованию ницего не звестно, если цто звестно, то тозе ницего не звесно». Я тыщу раз от него слышал эти фразы. Ну вот это откуда?

– Ну, во-первых, Вы знаете, сколько лет прошло?

(Мужской голос): А я, говорит, там был, когда Квантунскую армию...

(Другой голос): Если вспомнить фильм «Офицеры», то там герой Ланового, там как раз наши военные специалисты работали в китайской армии, которая Мао Дзедунa. Они воевали с японцами.

(Мужской голос): Квантунская дивизия – это японская дивизия...

– Ой, ребята, вы так глубоко копаете, я не знаю... Я про это не могу ничего говорить, это мужская тема. Дорогие женщины, что вам сказать?

(Женский голос): Можно, я ещё спрошу? Знаете, у Анчарова несколько раз упоминается, что самая вкусная еда на свете это – холодная картошка, разогретая в целом виде на сковороде. Вообще, что он любил есть?

– Он вообще есть любил...

(Женский голос): Мясо?

(Мужской голос): Знаменитое его представление о счастье: большой – большой диван, большой – большой арбуз и «Три мушкетера», которые никогда не кончаются.

– И диван любил. И говорил: «Хемингуэй [пишет] за столом, стоя, и так и так», а он на диване ложился, и эти листки только летели...

Галина Щекина: Мой «День за днём» на экране и в жизни

Строчку в телепрограмме увидела случайно. Я тогда училась на первом курсе экономического факультета, одинокая в городе Воронеже и в университете, куда меня с трудом устроили родители. Я к тому времени вполне себе представляла, кто такой Анчаров, так как шестнадцатилетней школьницей прочитала «Соду-солнце». Это был шок. Повесть меня совершенно опьянила. Жизнь в глухой провинции, райцентре Эртиль, под Воронежем, казалась мне дико мрачной. Учеба в школе, много нервов, прополка огорода, чтение книг, как правило, втайне, кручение пальцем пластинок на сломанном проигрывателе – вот из чего состоял каждый день. Я старалась крутить ровно, чтоб пластинка не завывала. Нашу семью не любили. Я помню, как из мести отцу-директору наших собак душили или разрывали и вешали на заборе. Отец хотел работать честно, многих увольнял, если пили, воровали. Эта вражда была не личной, скорее социальной. Точно помню, жить не хотелось, мечтала уйти из жизни без шума. После столкновения с Анчаровым изменилось всё: из мрачного ипохондрика превратилась я в настоящего оптимиста. У меня появилась надежда, что жизнь теперь пойдет не напрасно. «День за днём» смотрела в Воронеже, сидя в пустой телевизионке, как называлась комната в рабочем общежитии завода им. Ленина, туда меня определил папа, когда мне не дали общежитие от университета. Я сначала смотрела одна, а потом стала всем рассказывать, и народ подтягивался. К концу второй части прибежало человек 10—12. Все смотрели на меня странно, потому что во время просмотра я вскакивала, сверкала глазами и восклицала: «Видите?» И в голосе были волнение и гордость, как будто содержание имело ко мне отношение. Конечно, все видели. Моментами у меня закипали слезы, и на меня опять смотрели, пожимая плечами, однако понемногу тоже проникались и радостно кивали мне. И я видела – на моих глазах они из чужих становились своими. А ведь это были простые рабочие завода – девушки, матери-одиночки, цеховые работницы, труженицы заводской столовой, пенсионерки. Семейные жили в другой половине. Был человек по кличке «вахтер Иванов», как он сам себя называл. В острых моментах, например, там, где провоцировали медсестру Таню или где фигурировал бывший муж Лели, он вскакивал, топал ногой и ругался матом. Он не мог нормально сказать, что его волновало, но реагировал сильно. Вахтер Иванов, сядьте, успокойтесь.

Когда я училась в университете, нас часто посылали в колхоз. Днем работа, а вечером, если холодно, либо песни под гитару в круг, либо кто-то что-то рассказывает. Я рассказывала «День за днём». Правда, один сюжет, без философских вкладок. Каждый раз, когда сериал повторяли, я получала всё более мощное впечатление, мне постепенно раскрывалась его глубина. Или, может, я умнела с годами. Сама того не замечая, я менялась, подражая героям телефильма.

Когда я, окончив университет, начала работать, у меня поменялось не только настроение, но и поведение, я уже не молчала на собраниях, пыталась высказать какую-нибудь упрямую крамольную мысль. Меня поджигали мои друзья из сериала, я надеялась, что это им бы понравилось. Внутри была сжатая пружина, она при несправедливостях разжималась. «Нормальные же люди не молчат!» – оправдывала сама себя, имея в виду жителей коммунальной квартиры из сериала. Они и стали для меня примером «нормальных» людей. Если попадались на моем пути люди, которые были похожи на героев сериала, я их сразу узнавала, издали. Если не попадались, начинала очень тосковать.

Из-за Кости Якушева я поступила в Заочный университет искусств в Москве, Армянский переулок, 13. Кажется, на сегодняшний день он не существует, а тогда, в 70-х, был.

Говорилось же – надо на всякий случай уметь всё. И вот мне так яростно захотелось уметь всё. В общем, я училась на отделении станковой живописи и графики всего два года, но моя наставница Наталья Константиновна успела не просто приучить меня, несобранную и порыви-

стю, к систематической работе, но еще дала почувствовать вкус и радость соприкосновения с цветом. И гораздо позже, разглядывая живописные работы Анчарова, я вспоминала сразу, как сладко держать в руке кисть и мелок сухой краски. Помню, рисовала глиняный кувшин и глиняные стаканчики, случайно провела мелом там, где должны быть блики. И вдруг всё ожило, засветилось. Такая радость была.

Отдельная история с песнями Анчарова. Поскольку в сериале все поют, мне тоже петь захотелось. И я на гитаре стала учиться играть. Начала ходить в клуб еще в Ейске, потом был клуб «Откровение» в Вологде. Дети маленькие, ходили за мной хвостиком... И я пыталась не только Анчарова петь, но и вологодских авторов узнала, вместе со всеми подпевала песням Митяева, Визбора, Окуджавы. Да что говорить, Цветаева тоже пришла ко мне вместе с гитарой. Это было освоение большого и близкого заранее мира.

Один раз на вечеринке спела «Мне в бокал подливали вино» на свой собственный мотив и сказала, что слова Анчарова. «Чего? – удивился один из гостей. – Это тот, что Грина любит?» Я потеряла дар речи. Грина-то я любила еще до того, как Анчарова узнала. Такие совпадения каждый раз подтверждали, что мне крупно повезло – я наткнулась на что-то настоящее. И я стала другие книги Анчарова искать... Конечно, в общежитии пели «Кап-кап», «Песню о циркаче», «Глоток воды» и другие песни на стихи Анчарова и мелодии Катаева, и я пыталась их подбирать, но больше всего меня поразила самая грустная песня – «Белый туман», ее пела самая отверженная – Леля. И она была про меня, я тоже была отверженная. По собственной глупости. На наших чтениях в Володе Маша Запольских пела как раз «Заря упала и растаяла» и «Белый туман», вот праздник-то.

И «Теория невероятности» и «Золотой дождь» понравились мне еще больше, чем сериал. Получилось, что все мои родные люди – в его книгах и в сериале, в одном мире, а я по-прежнему одна, в другом мире. Этот разрыв меня доконал, и в 1974 году я поехала в Москву искать Анчарова. Это история уже описана благодаря писательнице Татьяне Тайгановой, но началось-то все с сериала «День за днём». Естественно, я начала писать автору длинные письма, которые упали в бездну. Письма после сериала приходили Анчарову мешками, он их даже читать не успевал. Когда я оказалась у него дома в 1974 году, я своими глазами видела эти серые или коричнево-песочные мешки из почтовой бумаги. Как бы я сейчас почитала те письма! И свои, которые провалились туда, как в пропасть, и чужие. Ведь это был поворотный момент. Душа, до того блуждавшая в потемках, вылетела куда-то к свету. В 1990 году Анчарова не стало, об этом мне сказали друзья из Литературного института. Умер. И я не успела показать ему свои первые рассказы, как мы договорились при встрече, а они тогда уже были! Горе было неимоверное.

От личного к общему. Прошли годы. Я всю жизнь искала тех, кто любит Анчарова. И однажды они пошли на меня настоящим прибоем. Я создала в сети две группы «Анчаровский круг» – ВКонтакте и на Фейсбуке, сама стала администратором. Я раздувала пламя памяти, но уже не одна... Однажды человек из ВКонтакте Александр Шитик прислал мне десять тысяч рублей: «Я всё равно пропью». Так зародился Анчаровский фонд.

Потом начались Анчаровские чтения, где стало возможным обмениваться взглядами на книги, песни, картины Мастера. Как следствие – сборник статей «Почему Анчаров?». Такое делать в одиночку невозможно.

Мне сейчас помогают многие. И мне просто повезло, что я среди «своих», среди единомышленников. Это Анчаров «встретил» нас, сделал друзьями. И Анчаровское движение сейчас есть во многих городах России, и я многих знаю лично.

После просмотра телефильма 2016 года у меня во многом поменялось восприятие первого советского сериала «День за днём». Если раньше я смотрела на каждого героя по отдельности и он (она) слепили мне глаза, то теперь, с возрастом, важнее стали явления более общего порядка. Закономерности, что ли. Позволю себе эти маленькие открытия здесь привести.

Акценты первой серии, которые пропущены нечаянно. Общий скандальный перегрев, где все бурлят, ругаются, где все вышли из терпения, все шиворот-навыворот, всё же не приводит на меня мрачного впечатления. Хотя так не должно быть: добряка Большого бранят за разбитую машину, а паршивец Толич уходит как ни в чем ни бывало. Но это же реализация добра: Большой берет на себя чужую вину. Это сильно, нетипично. Прием «хороший человек в трудной ситуации» действует во всём своем размахе. И тетя Паша художника просит – нарисуй на портрете покойного мужа звездочку героя. Вроде бы нельзя врать, но он рисует. Потому что правда жизни и правда искусства не одно и то же. Вообще тут сразу чувствуется масштаб замысла: не об одном человека, а обо всех. Об общности! И каждый дорог.

Акценты второй серии: первое – всех притягивает центр действия, что случилось – все стягиваются в круг... И второе – как умеют разглядеть «хорошего» в «плохом». Спрашивается: зачем им нужны «тупая» Леля и «хулиган» Толич? Нет, дают авансы! А потом «переливают»! Для меня это загадка. Устала я перековывать людей, ухожу от тех, кто предаёт. Но когда вижу, как это делают жители коммунальной квартиры, просто дух радуется.

Акценты третьей серии. Можно ли устраивать проверки на порядочность? Нет, тот, кто это делает, сам непорядочен. В чем разница между художником Костей и художником Борисом? В том, что Борис хочет казаться, а Костя – хочет быть, но не казаться. Самая сильная картина – та, которой еще нет. Почему это происходит? Потому что работает воображение, а когда уже есть картинка, воображение молчит.

Акценты четвертой серии. Большой не хочет уступать Седому свою девушку. Ему кажется, он такой большой, что его не объехать: «Я не могу тебе уступить». А Седой – а я могу тебе уступить, уеду. Тут кто кому подарок делает? Кажется, что Седой Большому. А на самом деле Большой тоже делает подарок, не отдает, чтоб Седой ощущал ценность Тани. Да Большой и завлабу подарок делает, что уговаривает сдать заявку завлаба, которая лучше. Вот блин, выходит, они всё время делают друг другу подарки. Только ждут, чтобы великодушные свое проявить! Что творят! Добро борется с добром в целях еще большего добра. Вот захочешь стать добрее, черта с два. Не сможешь. Но иногда так обидно, что ни при тебе, ни для тебя такого не случилось. Ничего такого! Женя резюмирует – когда один другому подарок делает, это еще неизвестно, кто кому... У обоих душа с крыльями... Настроение серии грустное, но она сама такая гармоничная, мягкая. Потому что люди не бегут никуда, у них есть время выслушать друг друга. Ничего-ничего...

Акценты пятой серии. Здесь всё вверх дном – праздник 9 мая и драматизм прошлой любви заставляют Женю корчиться на огне ревности. Ревнует ко всему – к войне, Дзидре, ко всему, что отбирает ее любимого. Такова участь младших жен. Ясно также, что этот праздник раньше был всенародный. А теперь локальный. Но не только для солдат! Сейчас это непонятно. И солдат почти не осталось.

Акценты шестой серии. Леля по умолчанию плохая, хотя она ничего такого не сделала. Как избавиться от установившегося предубеждения? Никак. Но ведь... коммуналка принимает Лелю даже такой. Все ненавидят её мужа, хотя он тоже ничего не сделал. Диплом Большого – стихийное бедствие, все жужжат вокруг, так здорово. А за меня никто так не переживал. Поэтому меня питает чужое сочувствие.

Акценты седьмой серии: мужчины без женщин всегда хорохорятся, мотаются на военные сборы, надутые, как индюки. Они, как Костя, бьются над картиной, не только не над холстом, а над картиной мира. Они, как Большой, бодрятся, собирая чемоданы, и руки их дрожат, когда они от себя женщину отрывают. Они, как дядя Юра, орут на всех, достают всех своим пережитым опытом (я не умный, я старый). Они, как Толич, сцепив зубы, уезжают, потому что мама замуж выходит, и стараются перестать быть маленькими. Но душа ноет, и они кричат в трубку: «Приезжай!»

Акценты восьмой серии. Когда хорошим людям плохо – Жене, Косте, тете Паша и дяде Юре, то плохим людям особенно хорошо. Чем хуже дядь Юре – тем лучше его хитрой дочке. Круг коммуналки резко сузился, потому что все уехали. И каждый как в мощном прожекторе. Весь-то виден. Такая нервнотрепка, такое напряжение связей. И когда это разрешается счастливо, и ты уже не верил в это – грудь лопается прямо, сердце вот-вот разорвет. Да неужели же будет по-нашему? Наверное, это самое фантастическое место.

Акценты девятой серии. Когда у людей все новое – новый друг, новая квартира, Новый год – они почему-то цепляются за старое. И зачем-то тайком ходят на старую квартиру углы трогать – зачем? Затем, что память о пережитом еще горяча. Именно поэтому дядь Юра смотрит большими глазами на привычные стены! И именно в этот момент идет главная песня. А когда они сдвигают бокалы, нельзя удержаться от слез, ведь я затылком и спиной вспоминаю минуты – когда я пережила с ними Новый год впервые, это впечаталось в меня на генном уровне. И с тех пор каждый Новый год я радуюсь и тревожусь, дрожу от ужаса и восторга. Именно поэтому. Ведь лучших друзей у меня и не было.

Да, сериал повлиял на меня как на автора и как на человека. Во всех историях, которые мною описаны, есть место лучшему в человеке. Либо человек превышает ожидания, либо совершает неожиданное, приближающее его к чуду. Сталкиваясь с ситуацией несправедливой, унижающей человека, я далека от смирения. Так в своем случае и получилось с союзом. Обнаружив, что местный союз замкнут на себе, я решила – должен быть другой союз. И теперь он есть.

Иногда люди пишут на группе «Анчаровский круг» волнующие их вопросы, высказывают мнение по поводу той или иной линии телефильма. Я отвечаю им, как умею. Возражаю, спорю. Защищаю, в общем.

Портрет современника в духе Анчарова

Мария Багирова. Китайский фонарик тревоги (Из цикла о Миноге)

– Человек хочет, чтоб его любили. А любить иногда не за что.
– Ну и что такого? Может, надо сначала начинать его любить,
тогда и появится за что?
(Михаил Анчаров «Прыгай, старик, прыгай!»)

«А ну, валите отсюда!» – сказал Ваха столпившимся поглядеть на новенькую пацанам. Конечно, честно говоря, пялиться им было на что. С такими губами любая автоматом превращается в Джоли. В их классе, да и в школе их, пожалуй, таких ещё не видывали. Всю перемену эта простояла в рекреации. Одна. Заострив подбородок похлеще, чем Уизерспун. Бешеный блонд, переходящий в не менее смачное розовое омбрЭ, знаючи растрёпан. Встала у окна как выросла – одной подбоченилась, в другой, локоток согнув, правильный айфон держит и свисток свой розовый в него скалит: весь блеск, по ходу, извела, а губы всё равно запёкшиеся.

Пропёрся намеренно мимо физрук, обернулся: «Няшная!» – и один старшеклассник кивнул, Геворг Вахагнян.

Эта только блеснула зубками и снова в экранчик на функции зеркала на себя разлюбимую лыбится. А, пожалуй, повыше одноклассниц будет, но уж такая арматурина, хУди три раза обмотать можно. И гибкая такая оказалась – надоело ей, по-ходу, в позе топ-модели отсвечивать, так прогнулась, куда там тренершам по фитнесу – реально гибкая она была.

Ваха её первый разглядел, ещё до школы, в тот викенд ещё. Опустился он к воде, в рюкзаке кЭн ы брякают, стал на береговом откосе место выискивать. Полоска узкая, пройти – кроссовки чуть не замочить: слева – речка сразу, тут же справа – бетоном одетый уклон берега. Думал вечером, пока рАйтеры местные не разведали, проставить тут свой аутлАйн. В команде он теперь не работал. Стало чуть ли не musthave, чтобы на всяких их официозах присутствовали граффити-мейкеры. Так вот, только к стене примерился, достал баллон, только наметился. Голову-то вверх запрокинул. А наверху, на откосе, на самом обрыве – она.

Это потом, осенью, не раз видел он её тростниковую фигурку в разнообразнейших точках берега. То на Пречистенской набережной, около красных фанерных не-пойми-каких буквенных монстров, ко дню города сколоченных. То её болотного цвета худи, глядь, уже у корабликов, ну, которые на приколе, у клуба речников. После выросла её силуэт не только на облагороженных берегах, в центре, но и в совершенно необжитых не только приезжими, но и самими вологжанами не приветствуемых местах: у прогалин для некогда наплававшего понтонного моста, на бывшей лодочной станции, где был дом Олялина, на Затоне у элеваторов.

И стоит она, такая, волосы безумные её ветер речной крутит как попало. В уши «ракушки» заткнуты – его не слышит, не видит – музон, что ли, какой врубила. А в руках её фонарик. Тупо бумажный такой. Китайский фонарик счастья. И не цветным сердечком, как это зачастую бывает, особенно на свадебные дикие обряды. Цилиндром таким. Простым, бежевым.

Фонарик свой расправила, как положено, таблетку канифольную подзажгла, всё чин чинном. Летит фонарик, косорезит по ветру. Утащило вскоре его за дома-деревяги, за пустыри. Сейчас цепанут его кусты да деревья! Эх, приостановился, вроде. Подняли восходящие потоки его повертикальнее – пошёл! А девчонки-то и нету. Скользнула, видать, мимо, как стрелка тростниковая. Пропала.

В школе очень скоро всем стало показано, и так это внятно было показано, что новенькая явилась неспроста. Во-первых, она с телевизора точняком вышла. Стала жить у близняшек Кряквиных, что из 8 «В», их двоюродная сестра Дана Камышова из Горловки. Да-да, из той самой, под Донецком, о которой в последних новостях всю плешь дикторы переели. И что

не простая, что непроста она, тоже было показано вскоре. Определили в школе, что мешает она процессу учёбы. И что новейшему, изобретённому, взвешенному, апробированному и вообще супер-пупер стандарту обучения она тоже мешает.

То, что кто-то стандарту поддавался, а кто и нет, Ваха знал. На собственной шкуре раз-узнал. Недаром завучиха весь прошлый учебный год ходила с тройным одеколоном в кармане. Дурной он просто тогда ещё был, не прознал ещё о МА лерах местных. Самодеятельностью занимался. Вот и оттирала завучиха ежеутрене его завитушки со стен коридоров и рекреаций. Это после-то директор-покойничек – а и душевный дядька был, все согласны – выдвинул его на тот дурацкий общегородской конкурс, где надо было на нескончаемом заборе станкозаводском изобразить что-то такое экстрапатриотическое и сверхантивоенное. Это что-то Ваха ощущал. Ещё с Баку. И дело было не в том, что до сих пор, нет-нет да и снилась бакинская квартира та их трёхкомнатная, прямо с коврами оставленная, и самолёт тот, вводили в который его и сестёр старших почему-то их соседи-азербайджанцы, а не родители, в ночь перед их отлётом в перерывах между объятиями и причитаниями умолявшие молчать и ни на армянском, ни на русском ни слова в полёте не говорить – «во избежание». Ощущалось это что-то Вахой так, как бывает, когда глазам телесным не видать, а только за грудиной комок и в горле мурашки. Конкурс выиграла, естественно, стандартная композиция. Естественно, изображённый Геворгом над пылающим городом из апельсинового камня бог-громовик, с ликом под балаклавой и с АКС-ом в горсти вместо пучка молний, был покрашен кем-то неведомым, ночью, очень даже вскорости.

На чисто риторический вопрос класснухи на родительском собрании по итогам первой четверти о том, что же мешает учёбе их сына, и уж не новенькая ли эта помеха, а то с чего иначе он так за неё заступается, Вахагнян старший раздумчиво, старательно скрадывая всё ещё пробивающийся акцент отвечал: «Думается мне, учёба его должна начаться с неё».

Кликуха за девочкой-катастрофой закрепилась почти сразу. За гибкую, хлесткую, долго-вязую её фигуру, с которой струилось водопадом любое нелепое школьное платье или сарафан, за голенастые длинные ноги, за сочную наглую всегдашнюю её улыбку прозвал как-то в запале их старенький геометр-алгеброид новенькую «МИНОГОЙ». И выбил страйк! Попытки приклеить новенькой кличку предпринимались в течение сентября – октября школьным коллективом неоднократно. Но хрестоматийные «рыба» и «камбала» скользнули мимо. А старенький математик – которого, как он, бывало, к вящей радости класса, ностальгировал на уроках, невпопад отрываясь от теорем, в Вологду метнуло по какой-то причуде судьбы ещё в 50-е аж из Приморского края – попал в точку единым словом. Словечком, в здешних северо-западных краях чужеродным, но, как оказалось, метким. И, как ни странно, сама наречённая, похоже, гордилась. Казалось, выжгла эта кличка, впервые прозвучав в школьном коридоре, над ней стрелу, подобную взвизгу тростниковой молнии.

На запрос «гомадриада» Яндекс выдал плеяду мифологических ссылок, пробежав единым махом которые, Ваха затем с головой утонул в разноимённых кельтских богинях именем «Дану», ну а ещё потом – не менее долго плутал среди орфических рун в поисках невянеяемо странного слова «сиринга», то есть просто-напросто «тростник», если в переводе на современный человеческий. Нехотя вынырнул из словесных дебрей Тырь-нета и понял, что ничего не понял.

Раззадорил же эту бурную поисковую несвойственную ему языковую активность мимолётом брошенный ему накануне их учителем алгебры и геометрии такой же смутно-мифический ответ. Ваха, в который раз уже, взирал, как по-щёгольски сноровисто старик чертит идеальную окружность, пользуясь мелком и тряпкой, свитой жгутом, привычно припевая о том, как «по долинам и по взгорьям где-то там шли лихие эскадры приамурских партизан». Старик был так стар, но так живуч и вёрток, что среди классов, в которых он начинал преподавать,

то и дело особо упёртые бились на пари, а и реально партизанил ли он в своём легендарном Приморско-Ахтарске или это лишь то слово, которое, как известно, из песни не выкинешь.

Отчего все на неё накнулись? Все они! Ну понятно, если бы завучиха там или ИО директора. Но ведь все они! И училки и девчонки. Даже тётки из школьной столовки, не говоря уже о гардеробщицах и сторожихах. Говорят, всё из-за того, что она не такая, как все. А сами зачем-то стремятся стать, как она. Кто причу безумную сделает, как у неё; кто смеётся, вытаращив глаза, как она; одна у всех на виду потягивается, другая пятую точку выпятит – а всё не так, не как она! Слабо им. Сами же говорят, что она беспредельщица. И что бегают ото всех. Она же и не знает, как зажигает – хоть она зажигалка та ещё, а огонь свой не разумеет.

– Понимаешь, Геворг, для тех, кто ни на кого не похож, предел и не поставить. Определить предмет, явление либо человека – значит поставить им предел. Пределом последовательности называют объект, к которому члены последовательности стремятся или приближаются с ростом номера. Вот как если одно число в последовательности – не как все другие, а доказательство-то в том, что это все другие – не как оно. Или он. Или она.

– Виктор Эолович, Вы же в курсе, я не силён в алгебре...

– Впрочем, что ж это я, действительно, математический анализ тебе пока рановато.

Учитель прошаркал за кафедрой и, отирая меловую пыль с пальцев и пиджака, как-то совершенно не в тему продолжил:

– Знаешь, древние греки полагали, что не знают предела миров дриады. Точнее, гомадриады. Нимфы такие, рек и деревьев. Целомудренная свита Артемиды, богини охоты и вечной девственности. И одну из них, самую пугливую, по имени Сиринга, преследовал козлоногий бог Пан, да, впрочем, и все его сатиры тоже. Сёстры её из зависти превратили её в тростник, из которого расстроенный Пан сделал себе дудку, сирингу. И его душераздирающие песни призывали отлетевшую за реку Лету душу. Сиринга же, став музыкой, запела на губах Пана о радости познанной любви. Кстати, у Анчарова об этом тоже есть.

– Жуть, – сказал Вахагнян.

Грянул по школьным этажам строгий ясный звонок, не дав закончить о девочке, своим поведением сводящей с ума кого хошь.

И потому вот уже второй день Ваха, затихарив айфон под парту, зачем-то пытается о ней бездушный интернет, то кидая в мемориз варианты зацепившей его истории о строптивой дриаде, то ломая мозг (учи матчасть!) над понятием «пределов» и не с первого раза верно набирает в поисковой строке странно похожую на странный пушкинский «анчар» странную фамилию. Либо просто лежит пластом на парте, подбородок в кулаки, и долго, тягуче, глядит на Миногу – на её прорезные фигурные губы, на её огромные блёкло-голубые слегка выпуклые глаза – и не хочет глядеть на то, как презрительны уголки её губ и как пренебрежительно прикрывают её глаза тяжёлые веки, но глядит, глядит – и она усмехается.

После осенних каникул уже все заметили, что Минога любит фонарики счастья запускать на берегу. Освещается изнутри мерцающим огнём летающая конструкция, она смотрит. У ней из рук небесный фонарик рвётся, она смотрит. А окликнешь её – исчезает, будто и не было, среди ивняка и прочего прибрежного разросшегося кустарника. А чудо летучее повисит-повисит над тем местом, где только вот тянулась вверх её тщедушная фигурка, да и поплывёт, что те НЛО, неспешно. Потом заметили, что фонарик запускает она будто бы перед каким-нибудь не то чтобы несчастьем, а неблагополучием. И будто бы что летит китайская причуда в сторону, откуда неблагополучие то надвинется.

После осенних, дважды переименованных, но всё ещё революционно-непримиримых каникул, школа заполнилась слухами, и росли шепотки те в мутных разговорах быстрее, чем подводный вампир-минога в ясных водах. Придавали жизненную силу подспудным тревогам.

Сплетницы – а были это, Вахе казалось, поголовно учительницы, да ученицы, да родительницы их – поначалу списывали на Миногу каждое затерявшееся колечко, каждую упавшую серёжку, каждую сгинувшую помаду. Потом потери стали делаться крупнее, как масштабнее стали становиться и обвинения. В ход пошли якобы пропавшие кошельки, якобы украденные сумки. Внутрешкольная истерия нарастала, как нарастал вал пропавших девчачьих сотовых.

Виктор Эолович, пропылённый порошкообразными водопадами с единственной на всю школу меловой доски, которую он который год по-партизански изобретательно не давал завучихе заменять за маркерную, хлопал Ваху по плечу и успокаивающе гундел: мол, как известно, прозвище определяет сознание – и раз такие рыбы как минога не в почёте ни у одного из народов, то немудрено, что и девчонке, опрометчиво так прозванной, не след пока (ну, до зимы, четверти до третьей) рассчитывать от не притёршейся к ней школьной общественности на нечто иное, почётное.

– Так несправедливо просто не может быть! – когда Ваха ярился, он глотал окончания слов и вскидывал руки рубящими ударами ладоней. – Сегодня даже физрук и физик к ней придрались. Мол, Камышина на построениях ходит не в ногу и не знает определение понятия «звуковой резонанс». Да ещё и вместо положенной футболки таскает майку-борцовку размера на два больше, из которой регулярно выпадает это её девичье и неположенное.

– Бывает. Обычно такие, как эти двое, медитационно спокойные и резонируют к любому коллективу, например, к педагогическому, уже в последнюю очередь.

– Чёго делают?

– Реагируют, говорю, они логично. Вполне всё логично. Как известно, резонансные явления вызывают, в конце концов, необратимые разрушения в различных механических системах, а социум – та же система. Социум, то есть множество людей, можно рассматривать как единый субъект исторического действия. Членство в социуме наследственно, в норме подневольно и нерасторжимо. В масштабе нашей средней, усреднённой, школы явление никому не родной Миноги – действие поистине историческое. Любой социум обрекает часть своих членов на военные лишения. Но ты не бойся за неё: она ещё не до конца вернулась со своей войны, потому ей здешние, мелочные, лишения ни о чём.

– При чём здесь военные? – Ваха окончательно насупился.

Алгеброид скособоличился за своей занесённой пылью веков кафедрой и по привычке свернул из физики с социологией в другие, теперь исторические, дебри:

– Известно ли тебе, Геворг, отчего военные не ходят «в ногу» по мостам?

– Мост рухнет. Любой знает. Жили на ГРЭСе когда, в Баку, к отцу друг приходил, майор, байку эту рассказывал.

– Верно. Рухнет. Да ещё как. В результате совпадения частоты солдатского шага с собственной частотой колебаний моста. Были печальные прецеденты как у нас, так и в мире. А вот реши-ка мне, Вахагян, теперь такую задачку. Из-за чего в 1905 году в Питере неожиданно обрушился Египетский мост, когда по нему переезжал эскадрон конногвардейского полка? Ведь именно эта история вошла в школьные учебники по физике и даже привела к возникновению военной команды «Идти не в ногу!».

– Ни с чего. Лошади не скачут «в ногу», – набычился Ваха.

– Одна из гипотез гласит, что знаменитый мост обрушился из-за допущенных при проектировании ошибок, не выдержал переходящих через него. И, порой, достаточно одного ваньки-ротного, который ступит «не в ногу» на тот мост. Ну что, будешь ротным, Геворг?

– Если только китайским ротным. Который первым придумал запустить небесный фонарик счастья как знак тревоги о приближении к городу врага.

– Да, а потом, как гласит легенда, когда наступил мир, он же переделал тревожный фонарик в шар желаний и запустил его в своё китайское небо на собственной свадьбе.

Вахагян хмыкнул и ушёл паковать ранец, распыряемый аэрозольными кэнами.

После уроков этого бесконечного дня, в конец подавленный всё более возрастающей амплитудой раскачивания ранее привычного мостика школьных дней, Ваха ушёл успокаиваться. К своей воде. К своему урезу берега. К своей подпорной стенке Красного моста. К своей картине, начатой вчерне. К вытравленному баллоном с краской контуру обливной, упругой фигуры. Фигуры миноги, нимфы, гомодриады среди тростника.

Он опустился к воде. Ледок схватил клочья речной травы в невидимое кольцо. Берег пятнали подмёрзшие проплешины слякоти. Кроссовки скользили. Он поднял голову, в надежде. Наверху, на бетонном парапете, она тоже обернулась, глянула вниз. Баллон-кэн покотился с внезапным жестяным звуком.

– Тебе чего?

– Дана, – сказал он.

Волна её градиентных волос исчезла по ветру. Он рванул к лестнице, на пешеходный мост, добежал – никого.

В школе мимоходом поняли, что с начала второй четверти чернявый парень из 8-го «В» перестал, наконец, таскать в ранце баллоны для граффити. Зато стал носить дудку. Свою, национально-армянскую. Дудук называется. Не заметить было трудно, так как дудеть дудук ещё не умел. Ваха раздувал щёки прикольно, как бурундук. И сипел. И прикрывал пустые глаза под чернушими длиннейшими ресницами. А когда поднимал взгляд, то, кто умел видеть, видели, что глаза его были такие же пустые, как тогда, когда он только-только был новеньким в их школе, а огненный бог-громовик в его небывалом апельсиновом городе носил балаклаву и сжимал в горсти автомат вместо дудука.

И летел, летел – на ноябрьском несильном пока северо-западном ветре, по-над невысокой Соборной горой, через ещё только примерзавшую к своим к невзрачным берегам неглубокую реку, наискось к неширокому и невысокому горбату мосту – вновь летел вестником несправедливо подступающего чего-то, что в вышине небесной обычным земным глазом не увидеть, мерцающий хрупкий бумажный фонарик тревоги.

В рассказе употреблены многие сленговые, жаргонные, разговорные слова и выражения. Поясняю их:

Джоли – известная голливудская актриса, чья внешность примечательна тем, как успешно она увеличила объём своих губ.

Уизерспун – популярная голливудская актриса, чья нестандартная внешность примечательна острым выдающимся подбородком.

омбрэ (термин из парикмахерского дела, от франц. ombre) – техника окрашивания волос, имитирующая волосы с обгоревшими на солнце концами и отросшими корнями.

няшная (молодёжный сленг) – милая, хорошая, приятная, красивая

худи (молодёжный сленг) (от англ. hoodie) – вид модной одежды, куртка особого покроя нераспашная, похожая на «толстовку» с капюшоном.

викенд (молодёжный сленг) (от англ. weekend) – одно из наиболее употребительных в нашей стране слов, заимствованных из английской общеупотребительной разговорной лексики, означающее «выходные дни в конце недели, время отдыха с пятницы до понедельника».

кэн (граффити-сленг) (от англ. can – жестяная банка) – аэрозольный баллон с краской.

райтер (граффити-сленг) (от англ. writer – писатель) – человек, занимающийся художественным оформлением граффити.

аутлайн (граффити-сленг) (от англ. outline – контур) – 1) непосредственное обрамление отдельных букв. 2) простой нераскрашенный набросок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.